

А.С.ГРИН

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Александр Грин
Мертвые за живых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=314382

Аннотация

Битва в Историческом музее.

Содержание

I. Бегство	4
II. Непочтение к праотцам	7
III. Комон, т. е. Баярд	10

Александр Степанович Грин Мертвые за живых

І. Бегство

Комон, иначе именуемый – Гимнаст, – начал игру с правительством. Почтенная игра эта угрожала так плотно, что утром, заслышав на коридоре ласковый перезвон шпор, Комон, не медля секунды, перестал завтракать. Он встал, выпрямился, все еще с набитым, жующим по инерции ртом; затем, решительно выплюнув непрожеванный сыр, поднял револьвер и подошел к двери.

– Откройте, – многозначительно воскликнул некто из коридора.

– Сколько вас? – спросил Комон. – Я спрашиваю потому, что, если вас очень много, вы не поместитесь все в одной комнате.

– Комон, именуемый Гимнаст. Откройте.

– Я потерял ключ.

– Ломайте, ребята, дверь.

– Я посмотрю на вас в дырочку, – сказал Гимнаст.

Он выстрелил несколько раз сквозь доски, соображая в то

же время, куда бежать. Шум и грохот за дверью показал ему, что там шарахнулись. Он подбежал к окну, заглянул в шестиэтажное, узкое пространство улицы, перегнувшись в сторону таким могучим усилием, что тело несколько мгновений держалось за подоконник только носками, поймал водосточную трубу. Через минуту он спрыгнул на мостовую без шапки и с револьвером в зубах, напоминая кошку, уносящую воробья.

Осмотревшись, Гимнаст побежал с быстротой ящерицы. Вид бегущего человека не сразу разбудил инстинкты погони в уличной толпе, сновавшей вокруг. Прохожие остановились; некоторые из них, с видом лунатика, медленно пошли за бегущим, вопросительно смотря друг на друга, затем, вдруг сорвавшись, как будто им дали сзади пинка, бессмысленно помчались, крича: «Держи его, лови. Не пускай».

Комон был ловок и неутомим в беге. Согнувшись, чем уменьшал сопротивление воздуха, бросался он с одной стороны улицы на другую, вился вокруг карет, столбов, омнибусов, газетных киосков, распластывался, когда чувствовал на себе хватающую руку, и преследователь летел через него кувырком. Если бы ему пришлось бежать в пустом месте, Комон давно бы опередил всех, но как немыслимо пловцу опередить воду, так Гимнаст не мог оставить за собой город; за каждым углом, в каждом переулке и повороте, срывались за ним, хрипло крича, новые охотники; уличные собаки, бессознательно копируя людей, хватали Комона за пятки с грозным и воинственным лаем.

Четыре раза, спасаясь от поимки, Гимнаст оборачивался, швырял пули, и каждый раз происходило некоторое смертельное замешательство. Наконец, выбежав на площадь, Комон увидел, что к нему мчатся со всех сторон, и улизнуть трудно. Тогда, повинувшись инстинкту, матери всех человеческих дел, беглец ринулся в Исторический музей, опрокинув швейцара, взвился по роскошной лестнице в третий этаж и остановился, соображая, что делать; он употребил на это секунду.

II. Непочтение к праотцам

Музей только что открыл свои двери, и публики еще было немного. Комон бросился, не обращая внимания на изумленных посетителей, через множество зал, в самую длинную, кривую и сумеречную, напоминающую лес от множества загромождавших ее витрин, подставок, щитов с оружием, целого войска мумий и ширм, похожих на театральные кулисы; по ширмам этим, живописно блестя на темном бархате, висели кольчуги, латы, шлемы, набедренники, топоры, луки, стрелы, арбалеты,¹ мечи, палаши, кинжалы и сабли. Древние золотые венцы греческих героев покоились на столбах; лес копий, знамен и бунчуков таился в углах. Каждая вещь здесь зывала к бою, вооружению, сопротивлению, ударам и натиску.

Первое, что сделал Комон, – это баррикаду у захлопнутой за собой двери. Он навалил на нее трех оглушительно зазвеневших стальных рыцарей времен Меровингов,² на рыцарей бросил полдюжины фараонов Верхнего Нила, вместе с их раскрашенными ящиками; поверх всего опрокинул, сломав, несколько витрин с монетами, которые раскатились по

¹ Арбалет – самострел, усовершенствованный лук с механическим устройством натягивания тетивы.

² Меровинги – первая королевская династия во Франкском государстве, правившая в V–VIII веках.

полу совершенно так, как раскатывались, если их просыпали при Гамилькаре Барке. На это Комон употребил две минуты.

С тою же быстротой, следствием большой нервности и физической силы, Гимнаст, отбросив пустой револьвер, одел тяжелую мягкую кольчугу, шлем, опустил забрало и немного замешкался; при виде исключительного разнообразия оружия глаза его разбежались. С арбалетами он не умел обращаться, луки были без тетивы, кинжалы и сабли не внушали почтения. Комон был во власти своих кольчуги и шлема, он как бы припоминал в себе далекое прошлое человечества. Ему хотелось дорого и недурно продать жизнь. Гимнаст выбрал меч, огромный, сверкающий и тяжелый, каким, вероятно, не раз крошила железная саксонская рука звонких латников. Меч был внушителен. Гимнаст взмахнул им над головой, затем, для пробы, обрушил страшный удар на одну из мумий; дерево, треснув, распалось, и запеленутый фараон кубарем вылетел из него, распространяя запах старомодных духов, которыми был пропитан весьма старательно.

Догадливость не изменила Комону при виде столь древнего явления; проворно затолкав фараона в угол, Гимнаст, с мечом в руках, втиснулся в египетскую могилу, прикрыв себя другой половиной ящика. Дверь, тем временем, поддаваясь усилиям солдат и сторожей, глухо звенела латами валявшихся на полу рыцарей. Комон стоял в душной ароматической тьме ящика и прислушивался. Скоро ворвалась, судя по шуму, целая толпа людей, с криками разбежались они по

длинным проходам зала, и Гимнаст слышал их, полные бешенства, возгласы:

– Все сломано.

– Ай, и деньги тут, на полу.

Кто-то шепнул, задыхаясь:

– Я возьму парочку, а?

Другой шепот:

– Тащи, чего зевать. Тсс...

– Негодяй. Сумасшедший. Стреляй его.

– Где он? Р-р-р-р...

– Лови. Дави. Хватай.

– О-р. Э-э. А-а.

Неосторожное движение Гимнаста выдало его. Он случайно толкнул коленом крышку, она упала прежде, чем он успел придержать ее, и в общем смятении глазам врагов предстал воин средневековья, с занесенным мечом. Он двинул им на первого солдата (незащищенного, разумеется, кольчугой) и отрубил ему, наискось, от плеча к бедру, верхнюю часть организма.

III. Комон, т. е. Баярд

Злополучная участь испорченного солдата на мгновение ужаснула остальных, а затем грянули выстрелы. Револьверные пули, однако, не пробили хорошо сработанную кольчугу; тем не менее удары их были сквозь сетку весьма сильны и болезненны. Гимнаст бросился на врагов. Он рубил без жалости и пощады, навстречу ему подымались хрупкие клинки сабель, но что могли они сделать против двадцатипятифунтовой стали в сильных руках. Комон, воистину, уподобился Баярду. Две головы отсек он, упавших на раздробленное стекло витрин, и стекло стало красным. Один поплатился рукой, а несколько – даже рукой вместе с плечом; у этих быстро закатились глаза. И скоро стало пусто вокруг Комона, но сам он, раненный пулей в мякоть ноги, видел, что не продержится перед новым натиском.

– Бежали робкие грузины, – вскричал Гимнаст и бросился к выходу, расчищая себе путь своим Дюрандалем. Любопытные, столпившиеся у подъезда, разбежались при виде страшного, со слепым железным лицом, человека – так быстро, что потом сами удивлялись своей подвижности.

Комон схватил первого попавшегося извозчика, бледного от ужаса, толкнул его, швырнул меч в голову толстому лавочнику и так крикнул на лошадь, что она помчалась, как беговая. И Комон благополучно удрал. Это бывает. Простое

вдохновение часто выручает человека лучше всяких расчетов.

Ничего не может быть действительнее описанного мною происшествия.